

Глава 58. Я его непременно вышвырну

Оказывается, сомнения у них всё же были, но, слишком дорожа им, они нашли в своих сердцах разумное объяснение его переменам.

Чу Цы ощутил укол совести. Он знал, что смена канона вызовет реакцию учителя, но его слова ранили куда сильнее, чем самая суровая брань. Гордый наставник, столкнувшись с его непокорством, начал принижать себя, считая бесполезным.

И впрямь, коньком учителя было изучение «Книги песен». Решение юноши сменить направление походило на проявление недоверия. Ощущение, что собственный ученик отверг тебя в том, в чём ты силён более всего, должно быть, причиняло ему нестерпимую боль.

— Учитель, прошу вас, не говорите так. Это всё моя вина, это я...

Чу Цы запнулся, не зная, что сказать.

«Заявить, что я передумал и не буду менять канон? Или признаться, что лишь из-за моего перерождения учитель лишился своего лучшего ученика?»

Но когда он переродился, прежний владелец тела уже исчез. Да и само перерождение не было его волей — он был бессилён перед предначертаниями судьбы. Ему казалось, что он изо всех сил старается всё исправить, но некоторые вещи нельзя просто так загладить.

Увидев состояние воспитанника, учитель Цинь, однако, улыбнулся.

— Не принимай близко к сердцу мои слова. Это лишь мимолётное сожаление о том, что я, в отличие от древних мудрецов, не постиг в совершенстве и Четверокнижие, и Пятикнижие. Путь познания труден и тернист, и лишь единицы способны пройти его до конца. На самом деле, нет ничего страшного в том, что ты больше не изучаешь «Книгу песен». Ты навсегда останешься моим учеником. Раз уж мы связаны узами наставника и ученика, разорвать их невозможно.

Наставник Цинь взял со стола письмо и протянул его юноше.

— Возьми. Это письмо к моему старому другу. Он в своё время тоже изучал «Вёсны и осени», был цзеюанем на тех же провинциальных экзаменах, что и я, а после занял восемнадцатое место на столичных и девятое на дворцовых, получив степень цзиньши. Сейчас он живёт на покое в переулке семьи Сюй, не так далеко от уездного училища. Найди время в ближайшие дни и навести его. Но я не могу обещать, что он станет тебя учить. У брата Сюя весьма странный характер, тебе придётся сперва снискать его расположение. Если ты ему приглянёшься, то обретёшь великого наставника.

Слёзы хлынули из глаз парня. Он взял конверт и, не в силах больше сдерживаться, упал на колени, припав к ногам наставника, и зарыдал. Широкая, сильная, чуть загрубевшая от мозолей ладонь легла ему на голову, и старик тихо вздохнул.

Чу Цы и подумать не мог, что отцовскую любовь, которой он был лишён в обеих жизнях, он обретёт в лице наставника Циня. Когда он наконец выплеснул эмоции, тот с улыбкой сказал:

— Ну всё, хватит этих ребяческих нежностей. Хотя я и не смогу больше обучать тебя «Книге песен», но я по-прежнему буду ежедневно проверять твои познания в Четверокнижии. И не забывай о стихах для экзаменов — каждый день ты должен писать по одному, как и было заведено. А теперь иди, умойся. Такой взрослый, а не боишься, что люди засмеют. Благородный муж не должен попусту лить слёзы.

Чу Цы смущённо поднялся, вытирая лицо. Он и сам понимал, что это, возможно, было лишним, но, увидев усмешку собеседника, не удержался от возражения:

— Благородный муж не льёт слёз попусту, но лишь до тех пор, пока сердце не затронет скорбь. Учитель, ваша доброта ко мне безмерна, как гора, а я предал ваши наставления. Оттого на душе у меня такой камень, что я не смог сдерживать чувств. Прошу вас, не смейтесь надо мной.

— Ох, какой же ты краснобай. С твоей-то толстой кожей ты боишься насмешек? Ступай уже. Завтра, после занятий, отпросишься у наставника и пойдёшь его искать.

Учитель Цинь задумался и рассказал ещё кое-что о своём друге. Чу Цы выслушал, кивнул, а затем, попрощавшись, вышел. Лишь покрасневшие уголки глаз выдавали, что он только что дал волю чувствам.

Переулок семьи Сюй находился в северной части уезда, примерно в получасе ходьбы от училища. Среди местных ходила поговорка: «В переулке Сюй талантов не счесть, трое цзиньши и четверо цзюйжэней здесь есть». Этот Сюй Чжэн и был одним из тех троих цзиньши.

Друг учителя Циня в прошлом служил главой области Чучжоу в провинции Наньхэ, дослужившись до младшего пятого ранга. Прошлым летом чиновник навлёк на себя гнев начальника, который стал всячески ему вредить, и тогда он в ярости подал в отставку и вот уже больше года сидел дома. Надо сказать, характером дружба были весьма схожи.

Причина его ухода была довольно забавной. Когда начальник приехал с инспекцией, Сюй Чжэн всё время не сводил глаз с его обуви, чем вызывал у того крайнее неудобство. После отъезда начальник, раздосадованный и решивший, что подчиненный имеет что-то против него, начал создавать ему трудности во всех делах, вынудив в итоге подать в отставку.

На самом же деле Сюй Чжэн в тот день так пристально смотрел на обувь начальника лишь потому, что внезапно заметил: узоры на его туфлях не совпадают.

Жители переулка Сюй знали, что хозяин этого большого двора — человек со странностями. Он почти не выходил из дома, и, казалось, никто никогда не приходил к нему в гости. Если бы не тот факт, что он жил во дворе, принадлежавшем семье цзиньши, все бы решили, что там прячутся разбойники.

Они и не догадывались, что этот человек и есть тот самый цзиньши Сюй, о котором они судачили. Ведь его семья уехала отсюда больше двадцати лет назад. Когда он только приехал, некоторые видели, как из повозки вышел старик с суровым лицом, который на всех смотрел злобно.

В этот день жители переулка, увидев, как благовоспитанный и красивый юноша стучит в его дверь, стали украдкой советовать ему:

— У этого господина нрав весьма причудлив, юноша. Если у тебя нет важного дела, лучше его не беспокоить.

— Благодарю вас, почтенный господин. Я пришёл именно к нему. Слышал, что этот господин — человек великой учёности, и пришёл просить у него наставлений.

Остальные с сочувствием посмотрели на Чу Цы, полагая, что его затея обречена на провал. Они никогда не видели, чтобы этот старик принимал гостей, а порой из-за ворот доносилась брань, отчего все считали его немного сумасшедшим.

Чу Цы постучал несколько раз и услышал, что внутри раздались шаги, но никто не ответил. Он не ушёл, а остался стоять у ворот, и каждые пять вдохов трижды отчётливо стучал в дверь. Так он повторил несколько раз.

Изнутри по-прежнему не было ответа. Чу Цы остановился, а затем начал беспорядочно колотить в дверь, стук раздавался совершенно без всякого ритма. Внезапно из-за ворот донёсся гневный окрик:

— Что за человек! Разве ты не стучал трижды каждые пять вдохов? Зачем теперь барабанить без всякого разбору!

— Ах, так там кто-то есть! — притворно удивился Чу Цы. — Я уж подумал, что внутри никого, и забарабанил как попало, собираясь уходить. Не ожидал, что вы дома, почтенный господин. Я давно восхищаюсь вами. Не могли бы вы отворить врата и позволить мне войти, дабы я мог испросить у вас наставлений в науках?

— Не о чем тут говорить, уходи! Старик гостей не принимает! — Голос из-за ворот звучал

крайне нетерпеливо, казалось, его обладатель вот-вот взорвётся гневом.

Соседи, услышав это, обменялись понимающими взглядами. Более сварливого человека они в жизни не встречали.

Но Чу Цы с улыбкой продолжил:

— Я ученик учителя Циня. Наслышан, что вы, почтенный господин, великий знаток «Вёсен и осеней», и потому пришёл просить вашего совета.

— Ха! Врать ты, мальчишка, не умеешь. Всякому известно, что Цинь Синьжань в тот год был лучшим по «Книге песен». Его ученик не изучает стихи, а приходит ко мне за наставлениями по «Вёснам и осеням»? Советую тебе убираться подобру-поздорову! — Голос из-за ворот разразился смехом, его обладатель явно упивался своей проницательностью.

— Почтенный господин, если вы не верите мне, то должны поверить моему учителю. У меня есть его собственноручное письмо. Взглянув на него, вы поймёте, что я вас не обманываю.

— О? — послышался из-за ворот недоверчивый голос. — Раз ты так уверен, просунь письмо в щель под воротами. Я взгляну, а там посмотрим!

Чу Цы с досадой вздохнул, достал из-за пазухи конверт и просунул его в щель под воротами. Едва он это сделал, как бумагу тут же выхватили из его рук.

Изнутри донёсся шорох и невнятное бормотание: «И вправду он...». Спустя мгновение ворота приоткрылись, и в щели показалось простодушное, честное лицо.

«Неужто этот господин так молодо выглядит?» — Чу Цы обомлел.

Но, приглядевшись, он невольно поразился — как говорится, внешность обманчива. Кто бы мог подумать, что обладатель такого добродушного лица способен говорить столь нелюбезно?

— Мой господин велел вам следовать за мной, — сказал слуга, заметив странное выражение на лице гостя. Хоть он и заподозрил неладное, но всё же выполнил приказ.

Чу Цы последовал за ним во двор. Двор был прост, но величественен, от него веяло основательностью и стариной.

— Ученик приветствует почтенного господина Сюя.

Перед ним стоял человек, на вид которому было лет пятьдесят пять, а то и больше. Впрочем,

его настоящий возраст, вероятно, был меньше. В древности люди из-за множества причин выглядели старше своих лет.

— Так ты и вправду ученик Цинь Синьжаня! Ха-ха-ха, Цинь Синьжань всю жизнь посвятил «Книге песен», а у него, оказывается, есть ученик, изучающий «Вёсны и осени»! Ха-ха-ха, вот потеха!

Слушая его слова и раскатистый смех, Чу Цы засомневался: а так ли уж достоверны слова наставника о том, что этот господин — его друг? Судя по всему, он был скорее его недругом.

— Я учусь у наставника искусству быть человеком и постигаю мудрость Четверокнижия. Я не считаю, что лишь тот, кто изучает «Книгу песен», может быть его учеником. Не понимаю, что так рассмешило почтенного господина?

— Хмф, да знаешь ли ты, насколько он хорош в «Книге песен»? Если бы не те столичные экзамены... хмф, да что толку тебе говорить. В письме сказано, что ты недавно переключился на «Вёсны и осени». Я ещё не слышал, чтобы кто-то менял основной канон прямо перед провинциальными экзаменами. Что заставило тебя так поступить?

Старик настойчиво допытывался. Чу Цы, увидев его интерес, почувствовал, что у него есть шанс, и ответил:

— Я считаю, что изучающие «Вёсны и осени» искусны в речах. Я обнаружил, что этот канон мне ближе, и потому сменил его. Учитель говорил, что вы, почтенный господин, были цзеюанем и лучшим знатоком «Вёсен и осеней». Могу ли я испросить у вас наставлений? Надеюсь, вы не откажете в своей милости.

— Я никогда не беру учеников. Можешь уходить.

Сюй Чжэн оказался на редкость бесцеремонным. Выслушав то, что его интересовало, он бесчувственно махнул рукой и, развернувшись, направился вглубь дома, не оставив Чу Цы ни малейшего шанса.

— Но ведь не обязательно становиться вашим учеником. Я лишь хотел бы посоветоваться с вами по некоторым вопросам из «Вёсен и осеней». Мы можем обойтись без формальных уз наставника и ученика.

Юноша понимал его опасения — формальные отношения накладывали определённые обязательства.

— Ха, наглый мальчишка, раз мечтался. Если между нами не будет уз наставника и ученика, с какой стати я должен передавать тебе знания всей своей жизни? Уходи скорее и не задерживайся у моих ворот, иначе, не посмотрев на твоего учителя, я велю вышвырнуть тебя

вон.

Раз его снова отвергли, парню ничего не оставалось, как отступить. Он поклонился спине удаляющегося хозяина и, уходя, пробормотал себе под нос:

— Эх, а я-то надеялся встретить истинно учёного мужа, а он, увы, оказался всего лишь охотником за славой.

— Хех, юноша, провокации на меня не действуют, — обернувшись, холодно усмехнулся Сюй Чжэн.

— Ах, почтенный господин услышал! Что ж, не зря вы... — Чу Цы сделал паузу.

Сюй Чжэн тут же спросил:

— Не зря что?

— Почтенный господин ведь не желает со мной больше говорить? Я тогда пойду, чтобы не задерживаться дотемна, — сказал парень, делая вид, что собирается уходить.

— А ну-ка, стой, негодник! Больше всего на свете я ненавижу, когда люди не договаривают! — Сюй Чжэн был готов взорваться.

— А?

— Ты сказал «не зря», что ты имел в виду?

— Не зря вы великий знаток «Вёсен и осеней», мастер слова. Наверняка вы и сами в совершенстве владеете искусством провокации, раз так легко распознали её. Я восхищён.

— И лесть тебе не поможет!

— И это почтенный господин раскусил, — смущённо улыбнулся Чу Цы.

— Уходи, — Сюй Чжэн снова отвернулся.

«Нельзя же уходить с пустыми руками!»

Его осенило, и он внезапно спросил:

— «Чжэн Бо одолел Дуаня в Янь». Как это следует толковать?

— Суть в том, что если старший брат дружелюбен, а младший почитателен, то государство будет процветать, — не задумываясь, ответил Сюй Чжэн.

— Благодарю за наставление, учитель Сюй! Ученик прощается!

С хитрой улыбкой юноша удалился. Вопрос наконец-то был решён.

Когда Сюй Чжэн осознал, что произошло, он пришёл в ярость и закричал, что если Чу Цы осмелится явиться снова, он непременно его вышвырнет! А затем пробормотал себе под нос:

— И вправду, ему суждено изучать «Вёсны и осени».

«Чжэн Бо одолел Дуаня в Янь» — известный отрывок из «Вёсен и осеней». Чу Цы понимал его смысл, но, глядя на него с точки зрения современного человека, он видел лишь то, что мать героев была пристрастна и помогала младшему сыну против старшего. Однако такой ответ определённо не соответствовал бы мышлению древних. Поэтому парню и не хватало именно такого наставника, который направил бы его мысли в русло мышления древних.

Слова Сюй Чжэна указали ему на главную идею, и теперь ему оставалось лишь развить её в своём сочинении.

<http://bllate.org/book/15354/1433298>